

«Советские ветераны Второй мировой войны»: двадцать лет спустя

В ПОИСКАХ СОВЕТСКИХ ВЕТЕРАНОВ

Марк Эделе (р. 1972) – профессор истории Университета Мельбурна (Австралия), специалист по истории сталинизма и Второй мировой войны. Среди его последних работ: «*The Soviet Union: A Short History*» (2019), «*Debates on Stalinism*» (2020), «*Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*» (2021).

Прошли уже шестнадцать лет с тех пор, как книга «Советские ветераны Второй мировой войны» была впервые опубликована на английском языке. Это был мой первый труд, основой для которого послужила докторская диссертация, завершенная в Чикагском университете в 2004 году. Основная работа по подготовке диссертационного исследования и последующей монографии проводилась в 2000–2002 годах в Москве, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. В 2006-м, уже сев за написание книги, я вновь отправился в Москву, чтобы собрать недостающие материалы, касающиеся жизни советских ветеранов в 1956–1991 годах. (Временные рамки моей диссертации ограничивались именно 1956-м, дальше я не шел.) Иначе говоря, упоминаемая здесь книга – дитя того периода моей жизни, когда я наиболее интенсивно взаимодействовал с Россией и наиболее глубоко погружался в ее историю. Это, вероятно, самая основательная из моих научных работ¹.

Советские ветераны интересуют меня уже довольно долго, почти четверть века. Путь, который привел меня к этой теме, оказался весьма окольным, поскольку лично я не связан ни с Россией, ни со Второй мировой войной, ни с ветеранами. Я родился в 1972 году на юго-западе Германии, в той части страны, которая после войны была оккупирована американскими, а не советскими войсками. Мой отец, появившийся на свет в 1936-м, был слишком молод даже для того, чтобы состоять в *Hitlerjugend*, не говоря уже об участии в войне. Нацистская пропаганда омрачала его детство до 1945 года, но остальную часть своей жизни он оставался убежденным демократом и антифашистом. Мой дедушка родился в 1888 году. Он сражался с русскими в Первую мировую войну, участвуя в Карпатской операции, но был уже слишком стар, чтобы попасть под мобилизацию в годы Второй мировой. Когда я родился, он

¹ EDELE M. "A Generation of Victors"? Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956. 3 vols. Ph.D. diss. University of Chicago, 2004; ИДЕМ. *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

был уже в преклонных годах; не припомню, чтобы нам довелось поговорить о его военных впечатлениях. Еще у меня был дядя, который служил «на Востоке» и вернулся из советского лагеря для военнопленных через некоторое время после завершения боев. С ним эта тема тоже не обсуждалась. У дяди был дом в деревне, мы иногда его навещали. Помню его, откровенно сидящим на кухне: взор устремлен в одну точку, а на столе бутылка бренди. Взрослые вполголоса говорили друг другу, что «он побывал в России», и это все, что было известно нам, детям. Оказавшись за городом, мы старались побыстрее убежать на подворье, чтобы погладить собак, поглазеть на коров или погонять кур – предпочитая все эти занятия общению со страшным стариком.

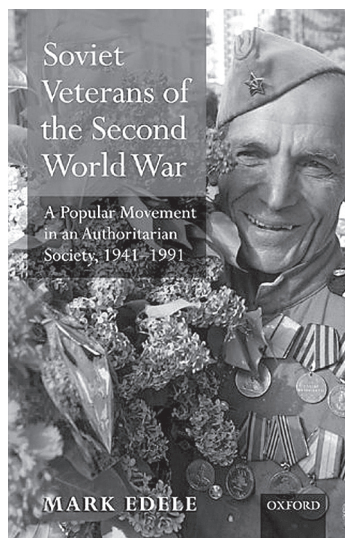
Таким образом, в детстве Россия меня не интересовала. В школе я учил английский и французский, а в подростковом возрасте читал в основном немецкую литературу межвоенного периода. Я начал заниматься русским языком, интересоваться русской историей и знакомиться с русской литературой, лишь оказавшись в университете. И произошло это чисто случайно: кто-то, вероятно, мог бы сказать, что мне не повезло.

Я даже не собирался становиться историком; поступив в 1993 году в университет, я намеревался стать журналистом. Параллельно мне приходилось уделять время истории, политологии и социологии, поскольку диплом по журналистике тогда не слишком котировался. Получивший такую степень обычно начинал в качестве фрилансера, а со временем пытался устроиться в какую-нибудь газету. Мне, однако, для разочарования в профессии вполне хватило двух длительных стажировок, пройденных в региональных изданиях после окончания школы. Многие журналисты, с которыми я тогда познакомился, были циничными алкоголиками, писавшими всякую несурезицу для крошечного круга читателей. Походить на них мне совсем не хотелось. Кроме того, я довольно быстро осознал, что мне нравятся темы, требующие длительного и глубокого изучения, а не скороспелые и поверхностные заметки, на которые ориентирована ежедневная газета. Тем не менее опыт журналиста-новичка оказался более чем полезным: я научился писать о сложных вещах просто и понятно, адресоваться к широкой аудитории посредством человеческого языка, а не академического жаргона, а также безоговорочно уважать сроки. Позже все эти навыки сослужили мне добрую службу как историку.

Когда в начале 1990-х я поступил в немецкий университет, никто не объяснял нам, как работает вузовская система. Каких-то программ адаптации для первокурсников не имелось, и поэтому каждый справлялся как мог. Немецкие университеты

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Илл. 1. Англоязычное издание «Soviet Veterans of the Second World War» Марка Эделе (2008).

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

были децентрализованными заведениями, снабжавшими ограниченным объемом занятий. Чтобы, скажем, посещать семинар по национал-социализму (чего, подобно многим студентам, хотелось и мне), нужно было найти институт немецкой истории на таком-то этаже такого-то корпуса и внести себя в список, который вела суровая секретарша. Если вы пришли поздно и вас опередили два десятка других студентов, ни малейшего шанса на посещение курса не оставалось.

К тому времени, когда я разобрался во всей этой механике, все академические курсы по современной истории были разобраны, за исключением одного, который назывался «Индустриализация в сравнении: Россия – Англия». Тема казалась мне до крайности скучной, но, учитывая, что в первом семестре мне не хотелось ограничивать себя средневековой или античной историей, я все-таки записался. Нашим преподавателем был Хубертус Ян, недавно вернувшийся из Джорджтаунского университета с докторской степенью, а позже окончивший еще и Кембридж. Его интересовала новая культурная история, которая тогда входила в моду. Преподавал он в американской манере: мы читали по одной книге в неделю, а потом писали по каждой из них эссе, которые он комментировал. Завершался семестр подготовкой более масштабной исследовательской работы. В совокупности все это в два или три раза превышало обычную семинарскую нагрузку для студентов младших курсов, принятую в Германии. Самые ушлые студенты, увидев программу, незамедлительно покинули курс. А наивные личности вроде меня, полагавшие, будто университет существует для того, чтобы мы становились умнее и узнавали новое, остались. И такое решение оказалось правильным. Хубертус – он настаивал, чтобы мы обращались к нему на «ты», – был вдохновляющим и мотивирующим университетским преподавателем. Я не пропустил ни одного семинара, который он вел. Именно благодаря ему, я стал историком, причем специализирующимся на России².

Хубертус занимался историей дореволюционной России и потому был частым гостем в Санкт-Петербурге. Вполне естественным образом я, все глубже погружаясь в российские сюжеты на его семинарах, тоже решил посетить русскую северную столицу. Мое первое знакомство с городом состоялось в 1994 году. Курс рубля тогда был вопиюще низким; даже немецкий студент с весьма скромным достатком вроде меня мог легко себе позволить билет на самолет «Аэрофлота», проживание и пансион в принимающей семье на протяжении двух

2 См. его книгу, которая стала одной из первых работ в русле новой культурной истории, посвященную поздней царской России: HUBERTUS J. F. *Patriotic Culture in Russia During World War I*. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

месяцев, а также частные уроки русского языка четыре раза в неделю – тратя в совокупности меньше, чем за такое же время было бы потрачено в Германии. Тем не менее это было настоящее приключение. Будучи провинциалом из Баварии, я не сталкивался ни с кем, кто прежде бывал в России – если не считать, конечно, дяди-алкоголика. Садясь на рейс «Аэрофлота», я знал только два слова по-русски: «да» и «нет». С этим багажом я отправлялся на два месяца в семью, с которой никогда не встречался прежде и в которой никто не говорил ни по-немецки, ни по-английски. Жили эти люди в высотке на окраине Петербурга, в Выборгском районе, у станции метро «Озерки».

Должно быть, мне понравилось, потому что к концу того же года я опять вернулся в Петербург еще на два месяца, а затем приезжал снова и снова в 1995-м и 1996 годах. По сути, в течение трех лет я проводил там все свои весенние и летние каникулы. У меня не было какого-то определенного плана действий: я учил русский, изучал город, знакомился с ребятами, увлекающимися роком, просто тусовался и пил пиво. В основном местное – «Балтику № 3» или «Тройку», – которое можно было купить на каждом углу – в киосках, магазинах или просто у продавцов на улице. Местная пивоваренная компания начала работать в 1990 году и производила отличное пиво: оно было не хуже немецкого, но намного дешевле. Парню из Баварии это было по душе. Вокруг было интересно и весело,

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*Илл. 2, 3. Марк Эделе
в 1990-х во время
посещений Санкт-
Петербурга.*

хотя порой и страшно вато, поскольку Петербург 1990-х был стремным местом. Я научился ругаться матом, курить «Беломорканал», соответствующе одеваться и вести себя, как хулиган – чтобы настоящая шпана, которая хозяйничала на городских окраинах, меня не трогала.

Между всеми этими делами я сменил университет Эрлангена на университет Тюбингена, где находился более крупный научный центр, занимающийся русской историей. В качестве основной специализации я выбрал восточноевропейскую историю (которая в действительности была историей России), а моими дополнительными специализациями стали политология, а также славянские языки и литературы (что на деле означало русский язык и русскую литературу). Именно здесь я начал всерьез интересоваться послереволюционной эпохой, постепенно подходя к пониманию, что полем, на котором можно развернуться по-настоящему, предстает советская социальная история послевоенного времени – почти чистый лист, настоящая *terra incognita*. Тогда же я впервые заинтересовался войной, написав статью о пропагандистских плакатах военных лет, которая стала моей первой научной публикацией³.

Я получил ученую степень в 1998 году и тогда же был принят в докторантуру Чикагского университета, в котором на тот момент функционировала крупнейшая – за пределами постсоветского мира – программа по истории СССР. Ее курировала Шейла Фицпатрик – дуайен всей той когорты англоязычных историков, которые посвятили себя истории Советского Союза. Зимой 2000 года я подготовил для ее семинара исследовательскую работу о появлении стилига в послевоенном СССР и намеревался сосредоточиться на молодежных субкультурах в дальнейшем⁴. Однако другая специалистка, молодая и талантливая, уже занималась изучением комсомола послевоенной эпохи, и поэтому Фицпатрик сказала мне, что тема уже «занята» – по крайней мере для англоязычного научного пространства⁵.

В конце концов, мы остановились на советских ветеранах. Они оказались социальной группой, над которой раньше никто по-настоящему не работал. Помню, как некий светоч тогдашней исторической науки на одной из конференций не без пом-

3 EDELE M. *Paper Soldiers: The World of the Soldier Hero According to Soviet Wartime Posters* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Bd. 47. № 1. S. 89–108.

4 IDEM. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. Bd. 50. № 1. S. 37–61.

5 См. работы Юлианы Фюрст: FÜRST J. *The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism* // IDEM (Ed.). *In Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. London; New York: Routledge, 2006. P. 209–230. Последняя из этих статей позже вылилась в целую книгу: IDEM. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Фюрст сохраняет преданность теме и сегодня; см. новаторскую работу: IDEM. *Flowers through Concrete: Explorations in Soviet Hippieland*. Oxford: Oxford University Press, 2021 [Фюрст Ю. *Цветы, пробившие асфальт. Путешествие в Советскую Хиппиандию*. М.: Новое литературное обозрение, 2023].

пы заявил, что с ветеранами он «уже покончил», но на деле в его избыточно теоретичной и недостаточно фундированной книге они упоминались лишь вскользь. Примерно в то же время перевели и издали по-английски рубежную книгу Елены Зубковой, в которой впервые был представлен общий обзор социальной истории послевоенных лет⁶. Тогда же Елена Сенявская опубликовала хорошую работу о фронтовом поколении, то есть о тех ветеранах, которые ушли на войну со школьной скамьи; правда, в ней основное внимание уделялось их военному опыту, а не послевоенной жизни⁷. Наконец, имелись несколько статей о демобилизации⁸ и кое-какая литература о репатриации и судьбах репатриированных – в частности, работы Виктора Земскова, Виктора Наумова и Павла Поляна⁹. Но всем перечисленным дело и ограничивалось¹⁰. К счастью, архивы тогда были распахнуты настезь.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я научился ругаться матом, курить «Беломорканал»,
соответствующе одеваться и вести себя, как хулиган –
чтобы настоящая шпана, которая хозяйничала на
городских окраинах, меня не трогала.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Таким образом, я вышел на советских ветеранов почти случайно. Выбор не был внутренне мотивированным – а вот о стилягах, скажем, я писал под влиянием собственного соприкосновения с молодежной культурой Питера 1990-х. Вместе с тем он не был связан и с политикой. Фактически одной из привлекательных особенностей российской истории была ее

- 6 Зубкова Е. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. London: M.E. Sharpe, 1998 [Зубкова Е. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953*. М.: РОССПЭН, 1999].
- 7 Сенявская Е.С. *1941–1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование*. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
- 8 Яковсон С. *The Soviet G.I.'s Bill of Rights // American Review on the Soviet Union*. 1945. Vol. 7. № 1. P. 56–63; Донченко В.Д. *Демобилизация советской армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР*. 1970. № 3. С. 96–106.
- 9 Земсков В.Н. *К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР*. 1990. № 4. С. 26–41; Он же. *Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования*. 1995. № 5. С. 3–13; Наумов В.П. *Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессии // Новая и новейшая история*. 1996. № 2. С. 91–112; Полян П.М. *Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация*. М., 1996.
- 10 Подробный историографический обзор по состоянию на конец 2003 года можно найти в: EDELE M. «*A Generation of Victors?*»... Vol. 1. P. 15–30.

аполитичность: так, в моей теме было доступно безбрежное море нового материала, проделано очень мало работы, и почти никто всем этим не интересовался – причем как в России, так и за рубежом. В конце концов, могу же я хотеть просто стать профессионалом, не задумываясь ни о политике, ни об идеологии? В ретроспективе все это выглядит довольно курьезным, учитывая, как все обернулось впоследствии, но в то время я воспринимал свою научную деятельность именно так: это было изучение очень интересной страны с захватывающей историей. Других мыслей на ее счет у меня тогда не имелось.

По-видимому, эта аполитичная позиция оказалась одной из причин, почему меня не привлекали сюжеты из 1930-х, хотя в то время большинство американских и европейских историков, сосредоточившихся на России и Советском Союзе, были вовлечены в полемику, касающуюся именно этого периода, а также примыкавшего к нему десятилетия 1920-х. Именно тогда разворачивалась великая битва между «тоталитаристами», «ревизионистами» и «постревизионистами», не смолкавшая вплоть до 1980-х. Причем открытие советских архивов отнюдь не охладило споры, но, напротив, лишь подогрело их новыми эмпирическими свидетельствами. На этой площадке толпилось все больше специалистов, и втиснуться туда с какой-то новой темой начинающему ученому было просто невозможно. Кроме того, здесь слишком громко полемизировали, причем некоторые спорщики явно страдали завышенной самооценкой¹¹.

И, напротив, вторая половина 1940-х и начало 1950-х – мы называли это время «поздним сталинизмом» – мало кого интересовали¹². Фицпатрик одной из первых написала две работы по советской социальной истории послевоенных лет, из которых опубликована была только одна¹³. Имелись несколько старых, и в основном спекулятивных, работ по послевоенной политике¹⁴, а также превосходная политическая история из разряда более свежих трудов¹⁵. Я много раз перечитывал работы Зубковой, которая задала повестку социальной истории послевоенного периода; помимо всего упомянутого, имелись

11 FITZPATRICK S. *Revisionism in Retrospect: A Personal View* // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. № 3. P. 682–704; EDELE M. *Debates on Stalinism*. Manchester: Manchester University Press, 2020.

12 FÜRST J. (Ed.). *In Late Stalinist Russia...*

13 FITZPATRICK S. *Social Mobility in the Late Stalin Period: Recruitment into the Intelligentsia and Access to Higher Education, 1945–1953*. Неопубликованная рукопись, 1978; IDEM. *Postwar Soviet Society: The "Return to Normalcy", 1945–1953* // LINZ S.J. (Ed.). *The Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa: Rowman & Allanhead, 1985. P. 129–156.

14 См., например: НАНН G.W. *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953*. Ithaca: Cornell University Press, 1982.

15 Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти, 1945–1991*. М.: Издательство Российской академии государственной службы, 1998.

также отличная старая книга, посвященная деятельности Трофима Лысенко, вкупе с несколькими более новыми публикациями, сосредоточенными на сталинской науке послевоенных лет¹⁶, исследование Киса Ботерблума, в центре которого была одна из областей РСФСР в послевоенные годы¹⁷, а также шумевшая книга, автор которой намеревался задать тональность дебатов, но не сумел сделать этого¹⁸. Если говорить о более широком контексте, то обширно была представлена военная и дипломатическая история, причем и на русском, и на английском, и на немецком, но ни то ни другое меня тогда не слишком интересовало. О социальной же истории военной поры не написали почти ничего; в таком же зачаточном состоянии находилась и разработка культурной истории¹⁹.

Наиболее интригующим выглядело постоянно увеличивающееся число учреждений, открывавших для исследователей доступ к своим запечатанным ранее архивам, и введение в научный оборот все новых источников²⁰. Это происходило как в России, так и за ее пределами. Нам было известно, что в открываемых хранилищах содержится еще много свежих материалов, поскольку пока весь этот массив обрабатывался лишь небольшой горсткой западных историков. По большей части это были специалисты, настроенные на сотрудничество и совсем непохожие на кое-кого из тех воинственных и завистливых историков, которые занимались 1930-ми. Многие представители нарождавшейся школы, ориентированной на изучение послевоенной эпохи, были связаны с исследовательской группой, которую Шейла Фицпатрик собрала в Чикагском университете. Среди них можно упомянуть Криса Бертона, изучавшего состояние послевоенной медицины и здравоохранения; Чарльза Хачтена, ставшего моим близким другом и шафером на свадьбе, занимавшегося правами собственности; Джули Хесслер, опубликовавшую новаторскую книгу о советской торговле, Алана Баренберга, написавшего историю Воркуты, и Брай-

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

- 16** MEDVEDEV Z. *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*. New York: Columbia University Press, 1969 [МЕДВЕДЕВ Ж. *Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)*. М.: Книга, 1993]; JORAVSKY D. *The Lysenko Affair*. Cambridge: Harvard University Press, 1970; ГРАНАМ L.R. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York: Alfred A. Knopf, 1972; VUCINICH A. *Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970*. Berkeley: University of California Press, 1984; СОЙФЕР В.Н. *Власть и наука: история разгрома генетики в СССР*. Tenafly: Hermitage, 1989; KREMENTSOV N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- 17** BOTERBLOEM K. *Life and Death under Stalin: Kalinin Province*. Montreal; London; Ithaca: McGill-Queens University Press, 1999.
- 18** WEINER A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001.
- 19** См. исключения: BARBER J., HARRISON M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991; STITES R. (Ed.). *Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1995.
- 20** Наиболее важные из них были опубликованы в книжной серии «Россия. XX век. Документы», издававшейся Международным фондом «Демократия».

ана Лапьера, изучавшего уличную преступность в хрущевские годы²¹. С другими специалистами я встречался в архивах или за кружкой пива в московских барах, где мы обменивались информацией; в этом ряду: Пол Стронски, написавший прекрасную книгу о Ташкенте, – причем задолго до того, как стало модно «деколонизировать» советскую историю; Мартин Блэквелл, трудившийся над историей Киева; Карл Куоллс, интересовавшийся восстановлением Севастополя; Джим Хайнцен, написавший обстоятельную книгу о коррупции; Полли Джонс, работавшая над советской памятью о сталинизме и впоследствии ставшая профессором-русистом в Оксфорде²².

Помимо Елены Зубковой, которая была моим научным куратором во время работы в Москве, еще два видных историка оказали на меня наиболее осязаемое влияние. Первой я хотел бы упомянуть немецкую исследовательницу Беату Физелер, защитившую докторскую диссертацию (*Habilitation*) по истории советских инвалидов войны. К сожалению, эта работа так и не была опубликована, но автор предоставила мне ее текст, который глубоко повлиял на мою главу об инвалидах Отечественной войны²³. А вторым особо значимым человеком для меня стал американско-британский историк Дональд Фильцер, который подытожил серию своих исследований, посвященных истории советского рабочего класса, внушительным томом о послевоенных годах. Мы часто обсуждали точки пересечения наших тем (его центральным сюжетом была интеграция вернувшихся ветеранов в трудовые ресурсы страны); кроме того, он показал мне свою книгу в рукописном варианте задолго до того, как она была издана. Читать его тексты было все равно, что наблюдать, как над долиной рассеивается туман: раньше я имел лишь размытое представление о пейзаже, но

- 21** BURTON C. *Medical Welfare during Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953*. Ph.D. diss. University of Chicago, 2000; HESSLER J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004 [ХЕССЛЕР Д. *Социальная история советской торговли. Торговая политика, розничная торговля и потребление (1917–1953 гг.)*. СПб.: Academic Studies Press, 2022]; НАХТЕН СН. *Property Relations and the Economic Organization of Soviet Russia, 1941–1948*. Ph.D. diss. University of Chicago, 2005; LAPIERRE B. *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press, 2012; BARENBERG A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven: Yale University Press, 2014.
- 22** STRONSKI P. *Tashkent: Forging a Soviet City, 1930–1966*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010; BLACKWELL M.J. *Kyiv as Regime City: The Return of Soviet Power after Nazi Occupation*. Rochester: University of Rochester Press, 2016; QUALLS K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009; HEINZEN J.W. *The Art of the Bribe: Corruption under Stalin, 1943–1953*. Stanford: Hoover Institution Press, 2016; JONES P. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven: Yale University Press, 2013.
- 23** FIESELER B. *Die Invaliden des «Grossen Vaterländischen Krieges» der Sowjetunion: Eine politische Sozialgeschichte, 1941–1991*. Habilitationsschrift. Ruhr-Universität Bochum, 2003. По материалам своей диссертации она опубликовала серию блестящих статей, см., например: IDEM. *The Soviet Union's "Great Patriotic War" Invalids: The Poverty of a New Status Group // Comparativ – Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2010. Bd. 20. № 6. S. 34–49.

теперь очертания всего просматривались с гораздо большей четкостью²⁴.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ В МОСКВИЧА

Будучи самопровозглашенным петербуржцем, я, естественно, презирал Москву (подобно тому, как сегодня, по собственной воле избрав местом проживания Мельбурн, морщу нос при упоминании Сиднея)²⁵. Впервые я прибыл в российскую столицу на петербургском поезде в октябре 1995 года. Целью поездки было участие в летней школе по исторической информатике. Москва показалась мне разгульной, дорогой и полной недружелюбных людей. В отличие от Петербурга, здесь у меня не было друзей. Я был счастлив вернуться на берега Невы – в места, которые виделась мне центром цивилизации. На самом деле исторические вычисления меня не слишком увлекали, но каким-то таинственным образом удалось получить грант, покрывающий участие в этом мероприятии. Наиболее запоминающимся моментом этой маленькой эпопеи стало проживание в общежитии МГУ – опыт, который мне не с чем сравнивать ни до ни после.

Второй раз я вернулся в Москву в 2000 году исключительно по причинам профессионального свойства: к тому времени мне уже довелось стать докторантом Чикагского университета, а в российской столице находились архивы, в которых хотелось поработать. Первая поездка была относительно короткой; подготавливая заявку на диссертационную тему и разрабатывая план исследования, мне нужно было ознакомиться с архивными фондами, а также с местными правилами архивной работы. Но в 2001 году, когда я получил немецкий грант на проведение годичной научной стажировки в Москве, все было уже совсем по-другому.

Здесь стиль жизнь заметно отличался от того музыкально-вольготного существования, к которому я привык в Санкт-Петербурге. На этот раз я приехал трудиться, а не развлекаться. Поначалу у меня не было московских друзей, а качество моего русского языка не позволяло подобающим образом общаться с архивными работниками (те языковые навыки, которыми

24 FILTZER D. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002 [Фильцер Д. *Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН, 2011].

25 Соперничество между Мельбурном и Сиднеем не похоже на конкуренцию между Петербургом и Москвой – и не только из-за того, что ни один из этих австралийских городов не является национальной столицей, но еще и потому, что Мельбурн, разумеется, готов претендовать на лавры Москвы и Петербурга одновременно, а также вдобавок и Нью-Йорка. Так что, возможно, разницу лучше пояснить известной шуткой: интересуясь какой-то злободневной темой, мельбурнцы основывают журнал, а сиднейцы созывают вечеринку.

я обогатился в питерских пабах и клубах, а также на улицах, не очень подходили для церемонного общения). Я понятия не имел, как объять свою необъятную тему, и прорабатывал столько документов, сколько мог осилить, поскольку о ветеранах упоминалось буквально в каждом из них. Это не могло не вызывать ощущения постоянной перегрузки – я лихорадочно читал, читал и читал.

После того, как первое возбуждение от жизни и работы в Москве прошло, я впал в глубокую депрессию где-то на полгода. При этом я не догадывался о природе своего состояния, поскольку никогда не испытывал ничего подобного, а разговоры о «психическом здоровье» тогда были менее популярны, чем сейчас. Было невыносимо вставать с постели по утрам. Я просыпался, открывал глаза – и ощущал себя абсолютно разбитым. Москва казалась мне враждебной: знакомых людей нет, обратиться за помощью не к кому, а все вокруг, казалось, только и делают, что орут на меня. Движимый чувством долга, я вытаскивал себя из кровати и отправлялся в архив, где оставался до закрытия. Затем шел куда-нибудь выпить и перекусить, а потом отправлялся домой спать. Выпивка помогала справляться с депрессией, но по утрам становилось еще хуже.

Со временем, однако, мрак рассеялся – по целому ряду причин. Мой русский стал гораздо лучше, и повседневность теперь не так угнетала меня. Поняв, как работают архивы, я выстроил определенный жизненный ритм. У меня появились друзья как среди заезжих иностранцев, так и среди русских интеллигентов. Мне больше не нужно было выпивать в одиночестве. Удивительным образом архивариусы тоже стали заметно дружелюбнее – возможно, отчасти это объяснялось тем, что я продолжал взаимодействовать с ними уже после того, как в сентябре схлынул поток американских ученых.

Здесь надо пояснить, что каждый год в сентябрьские дни американцы, подобно саранче, обрушивались на московские архивы; нашествие было кратким, покрывая небольшой промежуток между завершением летних отпусков (когда архивы были закрыты) и началом американского учебного года. У заокеанских коллег было мало времени, но зато полно грантовых денег; преисполняясь собственной значительностью, они сорили долларами, чем сильно раздражали всех вокруг. Но, в конечном счете, они уехали, а я остался. Архивариусы вздохнули с облегчением, и я стал частью их жизни: читателем, который приходит каждый день, тихо работает и не доставляет хлопот. Со временем я даже научился быть полезным: всякий раз, когда в архиве появлялся какой-нибудь американец с особенно дурным русским, но гипертрофированным ощущением

своего величия, я помогал переводить, растолковывал правила и объяснял, как вести себя прилично.

Я стал лучше одеваться, что само по себе отличный анти-депрессант. Произошло это чисто случайно. Как-то вечером я пошел в театр, что случалось со мной не часто. Я надел костюм и галстук, поскольку в тогдашней Москве было принято ради похода в театр принарядиться. И там мне вдруг показалось, что я стал частью этого прилично одетого города. Ощущение пришло по душе, и я решил, что отныне буду ходить в костюме; даже купил еще один на смену. В результате архивариусы, как показалось, стали относиться ко мне еще любезнее: наконец-то, я стал похож на подлинного ученого, а не на каких-то западных бездельников, одевающихся чуть лучше подмосковных дачников.

Я по-прежнему сохраняю привязанность к костюмам: московские привычки переехали со мной в Чикаго, а затем и в Австралию – чрезвычайно непринужденное место, где профессора нередко читают лекции в шортах и футболках. Разумеется, сам я так не поступаю. Когда я, в пиджаке и при галстуке, явился в свою *alma mater* в Тюбингене, где мне предстояло выступить с докладом, почетный профессор Дитрих Гейер (1928–2023), знавший меня еще студентом в кожаной куртке, воскликнул: «Герр Эделе! Как хорошо вы выглядите! Большой цивилизованный мир сделал из вас человека!» Он был прав, но лишь отчасти, потому что главная заслуга в этом принадлежала именно Москве. Российская столица стала частью моей личности. Я до сих пор одеваюсь, как москвич начала 2000-х.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

МОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Осваивая новое чувство стиля, я по-прежнему почти все свое время проводил за работой. Работа в московских архивах в начале 2000-х стала потрясающим опытом. Материала было такое изобилие, а архивов – так много, что глаза разбегались: трудно было решить, чем вообще не стоит заниматься. Более того, архивы оказывались не единственным источником информации. В библиотеках и книжных магазинах Москвы постоянно появлялись книжные новинки, а также биографии и мемуары – один из моих любимых жанров. И, конечно, еще живы были ветераны, с которыми можно было поговорить.

Первоначально я вообще хотел целиком сосредоточиться на устной истории. Но несколько проведенных интервью убедили меня, что это начинание, требуя колоссального времени, приносит слишком малую отдачу. Ветераны с удовольствием повествовали о войне, но меня интересовала их послевоенная

жизнь, о которой большинству рассказывать совсем не хотелось – по крайней мере незнакомому человеку. Если я немножко нажимал, то они либо говорили, что «все было ужасно», либо – когда моими собеседниками оказывались функционеры ветеранских организаций, – что «все было отлично, поскольку о нас заботилось государство». Благодаря уже собранным архивным материалам я знал, что последнее утверждение являлось очевидным лукавством. Тем не менее беседы, которые я вел с ветеранами, помогли уточнить мои воззрения на Вторую мировую войну, что отразилось в моих последующих научных работах.

Исходя из богатства источников, а также из того факта, что в распоряжении у меня имелся всего год, задача состояла в том, чтобы добиться максимальной оптимизации трудового процесса. Я составил расписание, учитывавшее разницу в часах работы архивных учреждений. Если какое-то из них закрывалось раньше, скажем, по средам, то в этот день можно было сменить дислокацию и провести еще несколько часов в другом архиве. Постепенно я приучил свой организм к плотному завтраку и плотному ужину без обеда, так что мне не нужно было тратить время на прием пищи в разгар работы. Это особенно пригодились в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), где иностранцев постоянно сопровождали от входа и до выхода. Если вы хотели работать там весь день, приходилось обходиться без еды и питья. РГАНИ пользовался также дурной славой из-за того, что туда запрещалось приносить ноутбуки и все записи приходилось делать вручную. Днями напролет я сидел, переписывая статистику членства КПСС. Она требовалась для того, чтобы оценить влияние демобилизации на состояние партийных рядов. Конечно, я давно оцифровал все данные, но эти исписанные карандашом блокноты до сих пор бережно храню: очень трудно заставить себя выбросить живые свидетельства тех дней и недель, на протяжении которых я с утра до ночи горбатился над устройством для микрофильмов, страдая от голода и жажды.

В другие архивы с ноутбуком пускали, но нужно было предварительно обзавестись специальным пропуском. Причем где-то компьютер позволяли подключить к розетке, а где-то нет – скорее всего по той причине, что в зданиях была ветхая проводка. Я помню день, когда розетка под столом моего соседа буквально взорвалась. Этот российский коллега подпрыгнул от испуга, завопив: «Они хотят меня убить!», но быстро успокоился и просто пересел на другое место – ведь работать-то надо. Остальные взволнованно переглянулись, но затем вновь уткнулись в свои папки. С содроганием думаю, что произошло бы в подобной ситуации в Австралии: вызвали бы пожарную

3С
 Государственная публичная историческая библиотека России
 Зал отечественной истории (зал № 2)
 Билет № 7602/15ч, 19ч

Фамилия Эделе

Марк

Действителен по 31. XII. 2024

Регистратор Меллер

Телефоны:
 Читальный зал № 2 928 5616
 Зал периодики 928 5438
 Отдел платных услуг 928 0195

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
 ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ АН СССР

БИЛЕТ

Выдан тов. Эделе Марк

к. 337

Николаев Леонид

кн. Фонда
 читателя ЛС

19 16 Января 2006

Ф. 10. Зак. 44. Тир. 10 000

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
 ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
 ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Илл. 4. Читательские билеты российских библиотек, которые посещал Марк Эделе.

бригаду, поднялась бы жуткая суматоха, исследовательский день ушел бы коту под хвост, а сам архив закрыли бы на долгий ремонт электропроводки. В Москве же мы как ни в чем ни бывало просто продолжали заниматься своим делом. Запрет подзаряжать ноутбук означал, что вам надо было или брать с собой запасной аккумулятор, или переходить на бумагу и ручку, как только батарейка садилась.

Со временем меня осенило: ведь заметки можно делать в электронной записной книжке (*palm pilot*) – нужно только раздобыть внешнюю складную клавиатуру. Это маленькое устройство работало от пальчиковых батареек; иначе говоря, имея в кармане несколько запасных батареек, я мог печатать весь день, а вечером перегружать файлы на компьютер. У этого метода были и кое-какие дополнительные преимущества: не

нужно было таскать по всей Москве тогда еще довольно увесистый ноутбук. Гаджет засовывался в карман куртки, а я извлеклся от необходимости предъявлять милиционеру-автоматчику на входе разрешение на использование компьютера.

Конечно, все это происходило задолго до того, как смартфон превратился в стандартный аксессуар современного человека, а фотографировать в российских архивах строго запрещалось. Можно было заказывать копии на бумаге или в микрофильмах, но оба способа оказывались дорогими и времязатратными. Лично я редко ими пользовался. (К слову, с этим была связана одна из проблем, создаваемых американскими исследователями: приезжая на месяц в сентябре, они заказывали сотни ксерокопий, причем всегда по ускоренной процедуре, чем сильно раздражали персонал архивов.) Позже выяснилось, что мое решение было правильным: работая дома со своим компьютером, я извлекал нужную информацию по ключевым словам, а бумажные ксерокопии сначала приходилось оцифровывать, и только после этого в них удавалось что-то найти. Учитывая объем материала, собранного за тот год, мне, не делая я тогда свои заметки в *palm pilot*, потребовалось бы очень много времени, чтобы навести элементарный порядок в сделанных копиях.

Отработав день в архиве, можно было либо отправиться в обычную библиотеку, чтобы потрудиться еще, либо пройтись по книжным магазинам в поисках новинок. И, конечно, надо было поужинать. Тогдашняя Москва была совсем не похожа на Петербург, с которым я познакомился в 1990-х; это был один из самых дорогих городов мира, особенно для иностранцев. Мы, аспиранты, взяли себе за правило никогда не питаться в ресторанах, где есть меню на английском языке, – такие заведения предназначались для туристов, и потому цены там были заоблачными. Большую часть своих вечеров я проводил в литературно-музыкальном клубе «Проект О.Г.И.», который располагался в Потаповском переулке. Здесь можно было перекусить и выпить по разумным ценам, послушать музыку, встретиться с друзьями и покопаться на полках отличного книжного магазина, открытого круглосуточно. Другими моими обиталищами стали, во-первых, филиал «Проекта О.Г.И.» под названием «ПирОГИ на Никольской», расположенный неподалеку от Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а во-вторых, кафе «Китайский летчик Джао Да», сочетавшее дешевую и вкусную еду, а также холодное пиво с живой музыкой и находившееся в нескольких минутах ходьбы от Государственной публичной исторической библиотеки («Исторички»).

Именно в ней я обычно проводил свои выходные – если, конечно, не отправлялся в читальный зал периодики Российской

государственной библиотеки, находящийся в Химках. Мне нравились оба места: там всегда можно было почитать что-нибудь интересное, а заодно и отлично поесть в столовой. В Химках я изучал региональные газеты, а также разнообразные публикации, выпускаемые послевоенными университетами, где после 1945-го обосновались многие ветераны. Что касается «Исторички», то здесь я стал завсегдаем читального зала, где хранились сборники правовых актов.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

Целый год ушел у меня на то, чтобы разобраться в запутанном и постоянно менявшемся законодательстве, регулирующем положение демобилизованных, инвалидов, репатриированных, а также просто участников Великой Отечественной войны, которые до конца 1970-х упоминались в правовых актах не столь часто.

Именно в нем я пережил наиболее важный сдвиг в своей исследовательской программе: мне невольно пришлось стать историком-правоведом. Все началось с того, что, читая архивные материалы, я постоянно наталкивался на упоминания различных законов, указов и постановлений, касающихся бывших фронтовиков. Осознав свое неведение относительно того, в чем в действительности состояли их «законные права», я как-то подумал: посижу денек в «Историчке» – и разберусь с этим. Тогда я и понятия не имел, во что ввязываюсь: целый год ушел у меня на то, чтобы разобраться в запутанном и постоянно менявшемся законодательстве, регулирующем положение демобилизованных, инвалидов, репатриированных, а также просто участников Великой Отечественной войны, которые до конца 1970-х упоминались в правовых актах не столь часто. Другой массив документов касался вручаемых в военную пору орденов и медалей, а также сопутствовавших им привилегий, объем которых после войны постоянно менялся – и, как правило, не в пользу ветеранов. Детективная работа по восстановлению всей этой законодательной истории оказалась долгой, но дело того стоило: в итоге я получил большое удовлетворение.

После «СОВЕТСКИХ ВЕТЕРАНОВ»

Я покинул Москву в августе 2002 года, когда столица задыхалась из-за смога, вызванного окрестными лесными пожарами, –

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

возможно, то было предзнаменование моего австралийского будущего. У меня ушли полтора года на обработку собранных материалов и написание диссертации; все это происходило в Чикагском университете, где я преподавал, поначалу ведя семинары, а позже став адъюнкт-лектором. Готовясь в 2004 году к защите диссертации, я пытался найти преподавательскую должность в любой точке англоязычного мира (по целому ряду причин у меня не было желания возвращаться в Германию). Но в тот период академическое сообщество почти не интересовалось Россией: за 2003–2004 годы в англоязычных университетах не открылось ни одной вакансии, связанной с русской историей. Тогда я подготовил невероятное количество заявок – в основном на позиции, касающиеся европейской истории. В конце концов, мне предложили читать лекции по современной истории Европы в Университете Западной Австралии, расположенном в самой отдаленной региональной столице в мире – Перте. Когда я сообщил отцу о своем намерении, тот от души рассмеялся. «Ну и ну, – сказал он, – потратить столько времени и сил, чтобы распрощаться с нашей глубиной, а потом найти работу в провинциальном шахтерском городе на самом краю света! Ты хоть знаешь, как далеко оттуда до Парижа или Москвы?» Я переехал в Перт в 2004 году.

Отец был прав. Переезд в Австралию положил конец моим визитам в Россию – и тем более в Париж. Перелет был намного длиннее и дороже, чем из Европы или Северной Америки. Мои близкие жили в Соединенных Штатах и в Германии, и все свободное от академической деятельности время я тратил на визиты к родственникам. Правда, в январе–феврале 2006 года мне удалось совершить еще одну длительную поездку в Россию, но, как только родилась дочь, долгие отлучки, неминуемые при проведении исследований в Москве, стали невозможными. Теперь, когда в доме появилась малышка, родители которой вынуждены были заниматься собственной карьерой, а на помощь какой-либо родни рассчитывать не приходилось, я должен был оставаться в Перте.

Мне пришлось найти иные способы научной работы и переключиться на книги по другой проблематике. Навещая немецких и американских родственников, я старался уделять время местным архивам. У нас с женой была возможность, оставив дочку на бабушкино и дедушкино попечение либо в Германии, либо в США, на неделю выбираться в архивы Вашингтона или Фрайбурга, а выходные проводить в семейном кругу. Со временем в моих научных маршрутах появились Украина и балтийские страны – места, где я раньше не бывал, но куда легко было попасть, поскольку гражданину Европейского союза уже не требовалась въездная виза. Условия работы здесь были на-

много лучше, чем в Москве: меньше враждебности к иностранцам и больше заинтересованности в сотрудничестве и помощи. В результате я не появлялся в России на протяжении весьма долгого времени. За этот период многие русские друзья московской поры покинули свою страну. Иначе говоря, мои воспоминания о Москве относятся к другой эпохе и другому столетию; сейчас мир стал совсем другим.

Тем не менее научная деятельность, которой я занимался в России, оказалась определяющей в моем становлении в качестве ученого. В определенном смысле я никогда не оставлял советских ветеранов. Перефокусировав внимание с послевоенных лет на военное время, я написал две книги о советском опыте войны: одну – о перебежчиках и коллаборационистах, основанную по большей части на немецких архивных материалах, другую – о советском военном опыте в целом, написанную на материалах из российских, украинских, немецких, эстонских, латвийских, литовских и американских архивов, а также на устных историях, мемуарах и других источниках²⁶. Я также был вовлечен в небольшой проект, посвященный польским евреям, которым удалось выжить из-за того, что они оказались в Советском Союзе – вдали от расстрельных команд Гитлера²⁷. Случайная встреча с Мартином Кротти, историком австралийских ветеранов, состоявшаяся в Перте в 2010 году, привела к новому погружению в компаративные аспекты моего исследования, которые невозможно было включить в мою книгу о ветеранах²⁸. В конечном счете, это сотрудничество привело к тому, что Кротти и я начали взаимодействовать с Нилом Диамантом – политологом и историком китайских ветеранов²⁹. Кроме того, в придачу ко всему перечисленному я вошел в большую команду историков, изучающих последствия войн XIX–XX веков в глобальной перспективе³⁰.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

- 26** EDELE M. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017; IDEM. *Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*. London: Bloomsbury, 2021. [См. опубликованную в «НЗ» рецензию Павла Гаврилова на последнюю из упомянутых книг: Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 231–236. – *Примеч. ред.*]
- 27** EDELE M., FITZPATRICK S., GROSSMANN A. (Eds.). *Shelter from the Holocaust: Rethinking Jewish Survival in the Soviet Union*. Detroit: Wayne State University Press, 2017.
- 28** CROTTY M., EDELE M. *Total War and Entitlement: Towards a Global History of Veteran Privilege* // Australian Journal of Politics & History. 2013. Vol. 59. № 1. P. 15–32.
- 29** CROTTY M., DIAMANT N., EDELE M. *The Politics of Veteran Benefits in the Twentieth Century: A Comparative History*. Ithaca: Cornell University Press, 2020.
- 30** Australian Research Council Discovery Project DP200101777 «Aftermaths of War: Violence, Trauma, Displacement, 1815–1950». Одним из результатов проекта станет следующая публикация: CLARKE F., DAMOUSI J., DWYER P., EDELE M., HOFMANN R., KIESER H.-L. *Dreams and Nightmares: Imagining the Aftermath of War* // English Historical Review. 2025. Vol. 140 [в печати].

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ» ПОЧТИ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Но вернемся к началу: когда я впервые подступился к ветеранской теме, мне было 28 лет. Владимир Путин тогда только стал президентом, а я был иностранным студентом, живущим на весьма скудную стипендию и толком не понимающим, чем он занимается. К тому моменту, когда я защитил диссертацию, мне исполнилось 32 года, и меня поглощало выстраивание научной карьеры. Книга вышла, когда мне исполнилось 36, и я работал младшим преподавателем в провинциальном австралийском университете. Прошло еще пятнадцать лет, прежде чем «Советские ветераны» были изданы в России – в великолепном, кстати, переводе. Проверяя русский текст, я перечитал книгу, будучи уже состоявшимся профессором Мельбурнского университета средних лет. Когда я делал это, меня поразили несколько вещей³¹.

Во-первых, это то, какую масштабную работу я провел, подготавливая свою монографию. Будучи новичком в профессии, я еще не знал, что можно писать хорошие книги, используя гораздо меньше материала. А во-вторых, это то, до какой степени моя книга *не является* «русоцентричной». Сегодня в англоязычном мире много рассуждают о «деколонизации» русской истории³². Нередко приходится слышать, например, о том, что «типичное» изучение российской и советской истории сфокусировано исключительно на политике Москвы, а прочие части страны, и в особенности нерусские республики, ставшие ныне четырнадцатью правопреемницами Советского Союза, в нем игнорируются.

К «Советским ветеранам» подобная критика применима лишь отчасти. Бесспорно, мое исследование базировалось на материалах российских архивов, главным образом московских, и подкреплялось архивными документами, найденными в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. Но за этим стоял вполне прагматичный выбор: полученная мной финансовая поддержка покрывала лишь год архивных изысканий, а хранилища в Москве были настолько богаты, что имело смысл провести большую часть времени именно там. Способствовали этому и проблемы с логистикой: мало того, что гражданину ЕС получение российской визы давалось довольно хлопотно – для въезда в Украину в те ранние годы ему требовалась другая виза. Да, некоторые коллеги-ученые посещали и другие республики, но обычно

Илл. 5. Русскоязычное издание «Советских ветеранов Второй мировой войны» Марка Эделе (2023).

31 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991*. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

32 EDELE M., FRIEDMAN R. *Elements in Soviet and Post-Soviet History: A Contribution to Decolonizing Soviet History* // ASEES Newsnet. 2022. Vol. 62. № 4. P. 16–18.

это происходило только из-за того, что они разрабатывали какую-то тему, касающуюся определенной территории. Люди же с «общесоюзной» тематикой предпочитали работать в России, где находятся всеобщие архивы.

Также верно и то, что в книге, в конечном счете, представлена именно российская история: хотя повествование начинается в Советском Союзе, заканчивается оно в постсоветской России. Меня не слишком интересовало, что происходило с ветеранами в Украине, Литве или Казахстане. Да и сам по себе я оставался «русистом»: говорил и читал только по-русски, а страной, которая меня заинтересовала, в которой я жил и в которой обзаводился друзьями, была именно Россия – крупнейшее из постсоветских государств.

Сегодня я написал бы окончание этой истории совсем по-другому, обозначая различные пути, которыми шли ветераны в разных постсоветских государствах, и рассматривая непростую политику в отношении исторической памяти и ветеранских льгот в каждой из республик. Соответственно, финал истории оказался бы гораздо более децентрализованным, интернациональным и транснациональным. Возможно, для этого потребовалась бы дополнительная глава или даже несколько глав. Сегодня я также дополнил бы документы российских архивов материалами архивов других государств. В частности, я попытался бы побольше узнать о довольно нетипичной истории ветеранской организации в Киеве, о которой упоминалось в документах Советского комитета ветеранов войны и которая вполне могла оставить следы в украинских архивах.

Но если говорить о самой сути моей книги, то она отнюдь не была «руссцентричной». Конечно, многие из ветеранов, чьи истории в ней рассказывались, были русскими; но одновременно среди них было много украинцев, белорусов, азербайджанцев, казахов, евреев и других. Глава, описывающая демобилизацию, проводит читателя по всей стране Советов – на поезде, барже или корабле, в грузовике и повозке, иногда самолетом, а чаще пешком. Глава, посвященная зарождению организованного ветеранского движения, тоже довольно подробно освещает ситуацию по всему Советскому Союзу и подчеркивает динамичное развитие событий в провинциях, зачастую огорчавшее московское ветеранское руководство. Охват всего советского пространства присущ всей книге, а не только главе о демобилизации. В главе об инвалидах войны повествуется не только о том, как они возвращались в разные уголки СССР, но и о том, как они переезжали из республики в республику в поисках лучшей жизни. Одна из причин, по которой бывшим военнопленным иногда удавалось избежать репрессий, состояла в том, что они никогда не задерживались на одном и том же

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

месте слишком долго. Наконец, в главе о ветеранской борьбе за привилегии тоже приводятся свидетельства со всего Союза. Эта «децентрализованная» картина советского общества послевоенных лет не нуждается в «деколонизации». По большей части я и сегодня представил бы ее точно так же.

Но что же все-таки стало бы сегодня иным? Прежде всего я опирался бы на гораздо более качественную вторичную литературу. За прошедшее время и по позднесталинскому периоду, и по хрущевско-брежневским годам появились солидные исследования, базирующиеся на архивных данных³³. И, если бы я приступал к своему научному начинанию сейчас, мне не пришлось бы продвигаться вперед по наитию; опираясь на результаты трудов, предпринятых другими, я избавился бы от необходимости реконструировать то или это событие исключительно по первоисточникам. Впрочем, подобное скорее всего не доставило бы мне столько же удовольствия, сколько я получал от своей исследовательской деятельности прежде.

Здесь предстоит еще затронуть по-настоящему важную нувацию, за минувшие годы скорректировавшую мои воззрения на советскую историю. «Советские ветераны» остаются книгой, ориентированной на миф о Великой Отечественной войне: в особенности это проявляется в тенденции рассматривать войну с Германией в перспективе *pars pro toto*, видя в ней своего рода советский аналог Второй мировой войны³⁴. Ныне я значительно расширил старые хронологические границы,

- 33** Помимо работ о позднем сталинизме, упомянутых выше, можно назвать следующие труды: DUSKIN E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. New York: Palgrave, 2001; GORLIZKI Y., KHLEVNIIK O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004 [Хлевнюк О., Горлицкий Й. *Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН, 2011]; ВИСНЕР G. *Women, the Bureaucracy and Daily Life in Postwar Moscow, 1945–1953*. Boulder: East European Monographs, 2006; JONES W.J. *Everyday Life and the “Reconstruction” of Soviet Russia during and after the Great Patriotic War, 1943–1948*. Bloomington: Slavica, 2008; FITZPATRICK S. *On Stalin’s Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Melbourne: Melbourne University Press, 2015; GALMARINI-KABALA M.C. *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016; БОТЕРБЛОЕМ K. (Ed.). *Life in Stalin’s Soviet Union*. London: Bloomsbury, 2019; SLAVESKI F. *Remaking Ukraine after World War II: The Clash of Local and Central Soviet Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021; EXELER F. *Ghosts of War: Nazi Occupation and Its Aftermath in Soviet Belarus*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2022; NICOLE E. *German Blood, Slavic Soil: How Nazi Königsberg Became Soviet Kaliningrad*. Ithaca: Cornell University Press, 2023. О постсталинском периоде см., например: ТАУБМАН W. *Khrushchev: The Man and His Era*. New York; London: W.W. Norton & Co., 2003; YURCHAK A. *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006 [Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014]; RALEIGH D.J. *Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia’s Cold War Generation*. Oxford: Oxford University Press, 2012 [Рейли Д. *Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране*. М.: Новое литературное обозрение, 2015]; KOZLOV D. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*. Cambridge: Harvard University Press, 2013; HALE-DORRELL A. *Corn Crusade: Khrushchev’s Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union*. Oxford: Oxford University Press, 2020; GOLUBEV A. *The Things of Live: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2020; SCHATTENBERG S. *Brezhnev: The Making of a Statesman*. London: I.B. Tauris, 2022.
- 34** TUMARKIN N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994.

о чем написал в книге «Сталинизм на войне». Как представляется мне сегодня, Вторая мировая война началась в 1937 году в Азии, и Советы довольно скоро оказались вовлеченными в нее как из-за военной помощи Китаю, так и в силу приграничной войны с Японией, пришедшейся на 1938–1939 годы. Победа Москвы в том конфликте оказала решающее влияние на последующие политические решения Токио, включая отказ от вторжения в СССР и переключение на конфронтацию с Соединенными Штатами. Она также повлияла на то, как Сталин и Гитлер действовали в Европе в 1939–1941 годах. Более того, война не закончилась в 1945-м: западные регионы СССР продолжали лихорадить вплоть до конца 1940-х. Предстоит еще подумать, как именно такое более широкое понимание советской войны меняет историю советских ветеранов, но уже сейчас ясно, что, например, многие законодательные новации, впервые устанавливавшие статус инвалида войны, были приняты именно на второй стадии советской войны, разворачивавшейся в Европе с 1939 года³⁵.

Наконец, стоит сказать несколько слов о том, что происходило с изучением советских ветеранов с 2008 года – с того момента, как моя книга о них была опубликована. В историографическом плане ответ очевиден: не слишком-то и многое. Так, Роберт Дейл опубликовал региональное исследование и несколько статей о демобилизации в Ленинграде, а Александр Сумпф написал долгожданное исследование о ветеранах Первой мировой войны в России и Советском Союзе³⁶. И это, пожалуй, все. Иначе говоря, дело выглядит так, будто моя капитальная переработка в тот памятный московский год заметно облегчила другим коллегам осмысление ветеранской темы.

Если же выйти за пределы науки, то в политическом плане, разумеется, нынешних ветеранов мобилизовали на участие в «исторических войнах», идущих сегодня по всему постсоветскому пространству. В таких местах, как балтийские республики, Украина или Россия, их истории, вероятно, значат в наши дни гораздо больше, чем в начале или в конце 2000-х, когда моя книга писалась и публиковалась. Создается впечатление, что символическая значимость ветеранского сообщества нарастает обратно пропорционально его физической силе и численности.

В 1945 году в Советском Союзе насчитывались от 20 до 25 миллионов участников войны. К 1948 году полученные ими

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

35 См.: ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны...* С. 169. Таб. 4.1.

36 DALE R. *Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad: Soldiers to Civilians*. London: Bloomsbury Academic, 2015; IDEM. *Rats and Resentment: The Demobilization of the Red Army in Postwar Leningrad, 1945–1950* // *Journal of Contemporary History*. 2010. Vol. 45. № 1. P. 113–133; IDEM. *The Valaam Myth and the Fate of Leningrad's Disabled Veterans* // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72. № 2. P. 260–284; SUMPFF A. *The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

льготы и привилегии, и без того весьма скудные, были почти полностью упразднены. Они не располагали ни собственной организацией, ни политическим влиянием. Им предписывалось поскорее возвращаться к работе и не почивать на лаврах. К концу 1970-х, когда у ветеранов появилась собственная организация, установленные законом особые права и довольно высокий социальный статус, их численность сократилась до менее чем десяти миллионов. К 1990 году ветеранов оставалось пять–шесть миллионов, а к 1994-му их было 3,6 миллиона³⁷. Сегодня, в 2024 году, в государствах-правопреемниках СССР проживают около 18,8 тысяч ветеранов, примерно половина из них – в России³⁸. Их статус разнится от страны к стране, но в любом случае это крошечное меньшинство, состоящее из очень старых и зачастую немощных мужчин и женщин. Но их социальная значимость по-прежнему огромна, причем независимо от того, символизируют ли они дух нации или же врагов этого духа – в зависимости от контекста, в котором живут. Учитывая, насколько важны травматические воспоминания о Второй мировой войне для всего пространства бывшей советской империи, их символический вес с уходом последнего ветерана, вероятно, увеличится еще больше. И по этой причине потребность в историках, готовых посвятить себя ветеранам, становится все более актуальной.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Иванушкиной

37 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны...* С. 410.

38 Точная цифра, согласно справочным данным на май 2024 года, составляет 18 868 человек; из них в Российской Федерации – 9700; Украине – 7251; Белоруссии – 520; Литве – 200; Казахстане – 148; Грузии – 81; Узбекистане – 97; Молдавии – 94; Армении – 46; Туркменистане – 33; Азербайджане – 30; Таджикистане – 24; Кыргызстане – 20; Латвии – 18; Эстонии – 12 (см.: ru.wikipedia.org/wiki/Ветераны_Великой_Отечественной_войны).